ИСТОРИЯ РОССИИ XVII–XIX вв. В ТРАКТОВКЕ П.А. КРОПОТКИНА

Анализируется трактовка дискуссионных тем истории России XVII–XIX вв. идеологом анархо-коммунизма, выдающимся ученым-энциклопедистом П.А. Кропоткиным. Отмечено, что социальные движения идеолог антиэтатизма оценивал только положительно, так как видел в них перманентную борьбу народа против государства, а период реформ Петра I считал этапом усиления государственной власти.

Ключевые слова: П.А. Кропоткин; анархизм; исторические взгляды; Россия.

Петр Алексеевич Кропоткин, несмотря на то, что около сорока лет прожил вдали от родины, постоянно изучал историю и внимательно следил за событиями современной России. По мнению Дж. Слэттера, П.А. Кропоткин «...интересовался социальными проблемами и всем, что имело к ним отношение» [1. С. 143]. Внимательное прочтение выступлений, докладов, статей и писем теоретика анархизма показывает наличие у него оригинальной исторической концепции. Между тем, нам о ней ничего не известно. Немалую роль в замалчивании его исторической концепции сыграли правительства как царской России, так и Советского государства. Этатистская идеология правительств не позволяла исследовать антиавторитарную доктрину П.А. Кропоткина.

Идеолог анархизма не оставил систематического изложения своих взглядов на историю России, в связи с чем приводятся и анализируются те его интерпретации исторических событий страны, которые сохранились в архивах и книжных фондах. Значительную помощь в раскрытии мировоззрения П.А. Кропоткина оказали его монографии «Идеалы и действительность в Русской литературе» [2], «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» [3]. Большое значение имели и его мемуары «Записки революционера» [4]. Освободительному движению в России посвящена его статья «Русская революционная партия» [5]. Отдельные высказывания П.А. Кропоткина относительно истории России и российского освободительного движения удалось найти в произведениях «Великая Французская революция, 1789–1793» [6], «Хлеб и Воля» [7], «Современная наука и анархия» [8], «Этика: Происхождение нравственности» [9].

Следует отметить, что изучение научного и политического наследия П.А. Кропоткина началось еще в начале XX в. С тех пор особый интерес ученых и политиков вызывает его антиэтатистская концепция. Научное и политическое наследие теоретика российского анархизма привлекает к себе внимание как отечественных [10, 11], так и зарубежных исследователей [12, 13]. Следует отметить, что в основном изучались его политические [14, 15], философские [16] юридические взгляды, а также биографические факты многогранной деятельности идеолога антиэтатизма [17, 18]. Исследователи проанализировали значительную часть вопросов анархической доктрины и теории революции П.А. Кропоткина [19], попытались оценить его политические [20] и этические воззрения [21, 22]. В то же время совершенно не рассматривалась его трактовка истории нашей страны и в частности освободительного движения. Абсолютно прав Е.В. Старостин, отмечавший, что «статьи и книги Кропоткина, в которых он, так или иначе, затрагивал исто-

рию России, особенности ее исторического пути, историю революционного движения и т.п., не стали предметом внимательного изучения» [23. С. 10].

Совершенно прав В.А. Маркин, писавший, что «не все стороны обширного творческого наследия Кропоткина известны в равной степени» [24. С. 154]. Между тем обстоятельный анализ исторических воззрений идеолога российского антиэтатизма будет способствовать интенсификации процесса накопления исторических знаний. В связи с особым интересом, проявляемым современным обществом к решению исторических проблем, объективный анализ исторических взглядов П.А. Кропоткина является актуальной задачей.

Следует отметить, что П.А. Кропоткин начал формировать свою историческую концепцию на определенной основе. Большое влияние на формирование его взглядов на историю России XVII–XIX вв. оказал родоначальник российского антиэтатизма Михаил Александрович Бакунин. В связи с этим в статье анализируются не только взгляды П.А. Кропоткина, но и базисные положения анархистской исторической концепции, разработанные М.А. Бакуниным.

Характеризуя начало XVII в., период Смутного времени, М.А. Бакунин совершенно справедливо отмечал борьбу великорусского земства против польского короля, иезуитов, московских бояр, однако он продолжал этот ряд и считал, что в период Великой Смуты шла война «и вообще против преобладания Москвы» [25. С. 332]. М.А. Бакунин всегда высоко оценивал русские народные массы. Считая это борьбой за свободу, идеолог анархизма наивно полагал, что народное ополчение 1611 г. – «это было истинное восстание народных масс против тирании московского государства, бояр и церкви. Могушество Москвы было разбито, и освобожденные русские провинции послали тогда своих депутатов, которые хотя и выбрали нового царя, но принудили его принять известные условия, ограничивающие его власть» [26. С. 106].

Справедливо говорил М.А. Бакунин о завершении процесса закрепощения крестьян именно в XVII в. По его мнению, крестьяне были свободными общинниками еще до монгольского нашествия. Во время монгольского ига крестьяне по-прежнему были свободными, так как феодальная раздробленность не позволяла князьям объединиться в борьбе против свободы землепашцев. И лишь вследствие укрепления положения московского государства, которому способствовала совместная деятельность московских князей, бояр и иерархов церкви, «народ великорусский, свободный до конца XVI в., вдруг оказался прикрепленным к земле, и сначала фактически, а потом и юридически сделался рабом господина – собственника земли, дарованной ему государством» [26. С. 106].

По мнению П.А. Кропоткина, процесс усиления государственной власти был также выражен и во введении крепостного права. П.А. Кропоткин правильно считал, что закрепощение крестьян было длительным явлением, которое не могло совершиться по одному царскому указу. Крепостное право не существовало в независимых республиках (X–XII вв.), оно стало вводиться одновременно с укреплением централизованного государства. По справедливому мнению исследователя, московским князьям для покорения соседних княжеств и для освобождения от монголо-татарского ига требовалась военная сила. Она могла быть сформирована только на базе вотчинного хозяйства [2. С. 292]. А последнее существовало на основе подневольного труда крестьян. Таким образом, потребность в усилении военной мощи привела к крепостному праву [2. С. 19].

Окончательное закрепощение крестьян, как не совсем верно указывал П.А. Кропоткин, было осуществлено во время правления Михаила Романова [2. С. 22]. Хронологически процесс введения крепостного права, по мнению ученого, обозначился в XIII в. в Московском княжестве, в XV в. – в Русском государстве.

М.А. Бакунин правильно рассуждает о целой серии народных бунтов, проходивших в течение столетия. Идеолог анархизма вполне справедливо подчеркивает в качестве основной причины народных восстаний XVII в. их антикрепостническую направленность. Говоря о крестьянском восстании под предводительством Степана Разина, М.А. Бакунин отмечает его размах. Однако причину данного явления идеолог анархизма по-прежнему видит в ненависти народа к государству, которая якобы зародилась у крестьян еще со времени основания Московского княжества. В то же время М.А. Бакунин точно подчеркивал антикрепостнический характер крестьянской войны под предводительством Степана Разина, «первого и самого страшного революционера в России» [26. С. 106].

По мнению П.А. Кропоткина, по мере усиления власти «начальников» росло свободолюбивое, анархическое движение народа. Он правильно считал, что церковный раскол XVII в. был вызван не церковными разногласиями в обрядах, а обогащением представителей церковной иерархии, усилением эксплуатации монастырских крепостных [2. С. 24]. П.А. Кропоткин точно указывал, что течение раскольников было народным, а не православным [2. С. 291]. Церковные иерархи были убеждены в том, что церковный раскол был вызван чисто богословскими причинами. П.А. Кропоткин выступал за экономическую причину церковного раскола. Он был убежден в том, что церковь являлась одним из представителей класса «начальников», поэтому верующие народные массы считал обманутыми. В связи с этим церковный раскол был справедливо им охарактеризован как выражение протеста обманутых народных масс против все большего обогащения церкви и усиления эксплуатации закрепощенных ею крестьян.

Наиболее остро М.А. Бакунин, в отличие от А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, критиковал петровский период развития самодержавия в России. М.А. Бакунин продолжил линию отрицательной оценки петровских преобразований, начатую Н.М. Карамзиным и поддержан-

ную славянофилами. Однако революционер использовал свой, анархистский критерий оценки деятельности Петра I. Он считал, что император, являясь угнетателем русского народа, насильственно навязал ему чуждую «европейскую цивилизацию в той форме, в какой она тогда существовала в Германии, и которая стояла... не слишком-то высоко» [27. С. 34–35]. Идеолог анархизма подчеркивал особый вклад в укрепление государства императора Петра I, так как «только Петр сделал Россию государством в собственном смысле слова, государством по тогдашним понятиям, направленным исключительно к насильственному расширению, машиною для порабощения иноземных наций, причем сам народ рассматривался не как цель, а как простое орудие для завоевания» [27. С. 34–35].

М.А. Бакунин вполне оправданно соглашался с тем, что Петр I сумел в кратчайший срок превратить Россию в крупную европейскую державу, сильную в военном отношении. Однако, по мнению идеолога анархизма, это привело к тому, что государство «становится чуждым собственному народу» [27. С. 34–35]. М.А. Бакунин объясняет это тем, что «механическое, направленное исключительно на завоевания государство может требовать от своего народа только трех вещей: денег, солдат и внешнего спокойствия, относясь равнодушно к средствам, с помощью которых это поддерживается. Такое государство третировает собственный народ, как народ завоеванный, оно является государством, угнетательным внутри, как и вовне... Так, например, Петр Великий прикрепил к земле прежде гораздо более свободного крестьянина не из каких-либо политических принципов и не из желания усилить этим могущество аристократии... Крестьян же он закрепил просто по полицейским соображениям для того, чтобы возложить на помещиков ответственность за спокойное поведение крестьян, за регулярную уплату ими налогов и поставку рекрутов» [27. С. 35].

Противопоставляя государство и народ, М.А. Бакунин писал А.И. Герцену и Н.П. Огареву 19 июля 1866 г.: «Петровское государство, которое, как вам известно, все построено на радикальном отрицании народной самостоятельности и народной жизни и которое, не имея ничего общего с народом, переродиться в народное государственное устройство не может...» [28. С. 286].

Эту же мысль подчеркивает М.А. Бакунин в «Набросках брошюры о русских делах»: «...история России со времен Петра заключается в проявлении русской мощи и единства вовне... Какова, в сущности, основная мысль всех преобразований Петра Великого? Сделать Россию могущественною вовне» [29. С. 394]. Для М.А. Бакунина петровское государство было синонимом бюрократической централизации самодержавия. «Петр понял, – говорил М.А. Бакунин на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г., – что для основания могущества империи, способной бороться против рождавшейся централизации западной Европы, уже недостаточно татарского кнута и византийского богословия. К ним нужно было прибавить еще то, что называлось в его время цивилизацией запада – то есть бюрократическую науку. И вот из татарских элементов, полученных в наследие от отцов и с помощью этой немецкой науки,

он основал ту чудовищную бюрократию, которая до сих пор давит и угнетает нас» [26. С. 106].

Деятельность Петра I была направлена в основном на внешние завоевания, и именно это критиковал М.А. Бакунин. По мнению П.А. Кропоткина, усиление власти «начальников» происходило, в основном, в результате укрепления самодержавия. Он справедливо считал, что Петр I своими реформами произвел значительные преобразования. Правда, для основной массы народа эти реформы не дали ничего хорошего, а для государственных чиновников они были существенны – Россия из полувизантийского государства превратилась в военную европейскую державу [2. С. 27]. В связи с этим П.А. Кропоткин критиковал славянофилов, которые отмечали, что Петр I просто обновил государственную машину, окончательно укрепив самодержавие [2. С. 291].

П.А. Кропоткин выделял Петра I и ставил его вслед за Иваном Грозным. Оценивал он их по значительному вкладу в дело укрепления государства. Если Иван Грозный окончательно завершил процесс образования централизованного государства, уничтожив все, что мешало (как авторитет бояр, так и Новгородскую республику), то Петр I технически перевооружил государственную машину. Она стала не только сильным противником для других государств, но и укрепилась изнутри, т.е. император упрочил власть «начальников» над народом. Поэтому П.А. Кропоткин критиковал Петра I, оценивая его только с точки зрения «наибольшего количества счастья для наибольшего количества людей». То, что самодержец, по его мнению, осчастливил только «начальников», и стало причиной огульной критики его деятельности идеологом анархизма.

Сложность и противоречивость развития России в этот период определили и противоречивость деятельности Петра и осуществленных им реформ. С одной стороны, они имели огромный исторический смысл, так как способствовали прогрессу страны, были нацелены на ликвидацию ее отсталости. С другой стороны, они осуществлялись, крепостническими методами и были направлены на укрепление господства крепостников.

В эпоху Петра I происходит становление основного положительного принципа государственного развития, борьба за его утверждение, которое осуществлялось за счет массовых репрессий, уничтожения целых укладов жизни, дальнейшего ограничения свободы личности. В России в условиях слабости или практического отсутствия гражданского общества реформы, которые в Европе шли снизу как результат выхода на поверхность новых укладов, новых типов производств в борьбе со сложившимися, проводились в интересах власти перед лицом внешней и внутренней угрозы, в частности, со стороны собственного общества. Поэтому эти реформы осуществлялись прежде всего посредством подавления народа, породив феномен отчуждения общества от власти.

М.А. Бакунин критически относился к Екатерине II. «В том же духе, – писал М.А. Бакунин в «Защитительной записке от декабря 1849 – апреля 1850», – продолжали править и его (Петра I. – *О.С.*) преемники. Чем больше расширялись российские приделы, тем больше требовалось солдат и денег, тем притеснительнее становилось

правительство» [27. С. 35]. М.А. Бакунин говорил о том, что Екатерина II никогда не действовала в интересах народа, так как каждый успех народного сознания действовал бы чрезвычайно разрушительным образом на весь механизм подобного государства и потому должен был скорее подавляться, чем поощряться. Ее либеральные преобразования идеолог анархизма считал притворством. Он писал: «В этом отношении знаменательны слова Екатерины II, великой императрицы и просветительницы России, прославленной всеми философами XVIII в. На письмо московского генерал-губернатора... который жаловался на недостаточное число народных школ, высокопоставленная дама отписала собственноручно: “Нам в нашем государстве нужны школы для того, чтобы общественное мнение не исключило нас из числа цивилизованных наций”» [27. С. 35]. М.А. Бакунин вполне справедливо отметил крепостническую политику Екатерины II, проявившуюся в закреплении ранее свободных крестьян Украины. Также идеолог анархизма верно оценил значение «Жалованной грамоты благородному дворянству», способствующей превращению дворянства в подлинную аристократию.

Крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева М.А. Бакунин, так же как и А.И. Герцен, оценивал положительно. Это восстание он считал еще одним аргументом в своей утопической теории о ненависти народа к государству. Именно данное чувство якобы и явилось причиной восстания Пугачева. «Пугачевское восстание, – писал М.А. Бакунин из крепости Кенигштейн, – еще не было во всем его значении оценено Европой. Это была первая крестьянская революция, но не последняя. В то время как Екатерина II была занята разделом Польши, Пугачев, простой донской казак, собрал на границе Сибири огромные крестьянские массы, провозгласил себя царем под именем Петра III, увлекая все за собою, громя все в своем молниеносном продвижении, довел свои растущие полчища до стен Казани, которую взял приступом и предал огню... В Москве возбужденные массы уже ждали его с нетерпением, и если бы он дошел туда, кто знает, не повернулись бы тогда иначе судьбы Польши и России?» [27. С. 38–39]. Конечной целью восстания идеолог анархизма считал захват земли у дворян для того, чтобы «образовать на ней свободные сельские общины, основанные на коллективной собственности» [26. С. 107].

«Народ же, – писал М.А. Бакунин, – никогда не переставал бунтовать. Бунтовал он победоносными массами два раза: один раз под Стенькою, другой раз под Пугачевым. Сначала бил войска государственные, потом был разбиваем ими, потому что не было в нем никакой организации. Разбитый в последний раз в царствование Екатерины II, он не переставал заявлять свой протест против государственно-сословного гнета, против всех представителей государства, значит, против самого государства рядом ежегодных частных бунтов, всегда укрошаемых и возобновляющихся то в той, то в другой форме беспрепятственно. Следовательно, вопрос не в способности его бунтовать, а в способности создать организацию, которая могла бы доставить его бунту победу, и не случайную только, а продолжительную и окончательную. В этом именно и, можно сказать, исключительно сосредотачивается весь наш насущный вопрос» [25. С. 182].

Анализируя внешнеполитическую деятельность России в данный период, М.А. Бакунин негативно оценивает ее. Он осуждал экспансионистскую политику России, проявленную ею в разделе Польши в 1772, 1793 и 1795 гг. XIX век М.А. Бакунин называл «веком общего пробуждения для славянского племени» [25. С. 332], а значит, и для русского народа, которой якобы не признавал государство как явление. Идеолог анархизма, оценивая императора Александра I, писал в «Набросках брошюры о русских делах», что «Александр I предавался мечтаньям. Он был романтиком, т.е. человеком, имевшим смутное предчувствие лучшего, но не имевшего сил для осуществления этого лучшего. А между тем задача была чрезвычайно трудна: требовалась не просто реформа, а целая революция. Со времен Петра Великого до рассматриваемого времени народ, так сказать, не проявлял никаких внешних признаков жизни, вся история была сплошным насилием над его национальным характером с целью сделать его великим, и народ этому покорился... Теперь надлежало взять новое направление, дать народу жить внутреннею национальною жизнью, т.е. решительно порвать с прошлым... После некоторых колебаний Александр вернулся к прежней политике. Но теперь это была уже не старая, непринужденная политика, а реакция, как во внутренних, так и во внешних делах, потому что в России, как и в Европе, уже началась новая жизнь» [29. С. 392–393].

«В 1813 и 1814 годах, – отмечал Бакунин в «Защитительной записке...», – во всех частях империи произошли крупные народные восстания: возмущившийся мужик заявлял, что он участвовал в изгнании неприятеля и таким путем заслужил себе волю, и не хотел больше возвращаться к подневольному труду. Произошло много кровавых выступлений, о которых за границей очень мало известно... Можно доказать, что с 1812 года крестьянские бунты в России сделались постоянным явлением, они усиливаются и расширяются угрожающим образом, с каждым годом приобретая все больше энергии и глубины. Народ пришел к сознанию, он выработал общую, ясно выраженную волю, и, прежде всего, он требует освобождения от крепостного ига и свободного владения собственностью. Его требования стали настолько уже громкими и угрожающими, что даже нынешнее правительство, напуганное ими, всерьез начинает задумываться над средствами, которые могли бы частично удовлетворить народ... Но правительство совершенно бессильно: его реформаторские попытки только ухудшают и без того невыносимое положение крестьянства» [27. С. 39]. Рассуждая о том, способен ли русский народ к революции, М.А. Бакунин говорит, что сомневаться в этом нельзя, ведь со времени Лжедмитрия по настоящее время в России был только один неизменный бунтовщик против государства – это крестьянский народ и городские мешчане.

Оценивая внешнеполитический аспект деятельности Александра I, М.А. Бакунин справедливо отмечал его особую роль в сохранении Прусского королевства в период с 1806 по 1812 г. После захвата Пруссии Наполеоном все королевство покорилось, немцы управлялись французскими чиновниками, «а политическое существование Прусского королевства пощажено только

благодаря просьбам Александра I» [25. С. 406]. М.А. Бакунин осуждал антиреволюционную деятельность Священного союза. Давая оценку Отечественной войне 1812 г., идеолог анархизма, так же как и А.И. Герцен, вполне справедливо отмечал роль народных масс в победе над Наполеоном. «...народ повсюду поднялся, – писал М.А. Бакунин, – массою опустошая и сжигая собственные деревни: он бежал в леса, оставляя Наполеону пустые поля, и повел против него жестокую партизанскую войну. Таким образом, он, по крайней мере на большую половину, способствовал освобождению страны» [27. С. 39].

М.А. Бакунин, говоря о Николае I, вполне оправданно считал, что тот полностью в своих принципах следует политике Петра I. Николай I стремился подражать тем чертам личности Петра, которые к тому времени сложились уже в прочную легенду. Идеолог анархизма отмечал, что Николай I поклонялся знаменитому предку, с юности бывшему его кумиром. Этому во многом способствовало стремление нового императора оживить государственную жизнь, ликвидировать злоупотребления, которые достались ему в наследство от прежнего правления, восстановить законность и порядок, провести реформы. «Нынешний владыка России, – писал М.А. Бакунин в «Защитительной записке от декабря 1849 – апреля 1850», – является верным преемником политического направления, созданного Петром, и он проводит эту политику еще более последовательно, чем тот. Его правление есть не что иное, как достигшая зрелости самосознания система гениального творца российского государства, и никогда еще это государство не было столь угрожающим вовне и столь притеснительным внутри, как именно в наше время» [27. С. 43–44].

М.А. Бакунин правильно оценил влияние восстания декабристов на последующую политику императора. Страх перед повторным восстанием привел к цензуре, усилению борьбы с инакомыслием. Революционер осуждал Николая I за жестокое подавление Польского национально-освободительного восстания 1830–1831 гг., ведь «освобождение Царства Польского и Литвы имело бы непременно последствием восстание всей Польши прусской» [25. С. 358]. Идеолог анархизма особенно хорошо относился к полякам. «Война 1831 г., – говорил он 29 ноября 1847 г. в Париже на банкете в годовщину польского восстания 1830–1831 гг., – была с нашей стороны войной безумной, преступной, братоубийственной. Это было не только несправедливое нападение на соседний народ, это было чудовищное покушение на свободу брата. Это было более, господа: со стороны моего отечества это было политическое самоубийство. Эта война была предпринята в интересе деспотизма и никоим образом не в интересе нации русской – ибо эти два интереса абсолютно противоположны» [26. С. 41].

Следующий период освободительного движения М.А. Бакунин характеризует термином «книжный либерализм» и считает, что он стал еще бессильнее, чем героический либерализм декабристов. В 1930-е гг. в России появилось учение объективистов, объясняющее все исторические факты логической необходимостью, исключаящей из истории участие личного подвига и признающее в ней только одну действительную, неот-

вратимую и всемогущую силу – самопроявление объективного разума. М.А. Бакунин верил, что «великие умы России» понимают ненужность этого отвлекающего от революционных действий учения. Так же как и А.И. Герцен, он неприязненно относился к славянофилам, которые, по его мнению, пытаются решить славянский вопрос, лишь «портят и уродуют его по своему образу и подобию» [30. С. 254–255]. М.А. Бакунин вполне справедливо негативно оценивал как самого Николая I, так и результаты его правления. По мнению идеолога анархизма, «все преобразования, которые оно (правительство Николая I. – *О.С.*) предпринимает, тот час же обращаются в ничто. Имея опорой своей две только самые гнусные страсти человеческого сердца: продажность и страх, действуя вне всех национальных инстинктов, вне всех интересов, всех полезных сил страны, правительство России ослабляет себя каждый день своим собственным действием и расстраивает себя страшным образом» [26. С. 44]. Управление Николая I было полностью построено на подавлении восстаний дворянской молодежи. М.А. Бакунин оправданно считал время его правления периодом строгой цензуры и инквизиции.

По мнению П.А. Кропоткина, деятельность императоров России была направлена на укрепление власти «начальников» и на рост эксплуатации народа. Время правления Николая I он оценивал негативно, справедливо замечая, что это было время муштры для солдат. «Настоящим военным в то время был тот, – писал П.А. Кропоткин о периоде царствования Николая I, – кто обожал мундир и презирал штатское платье; чьи солдаты бывали вымуштрованы так, что могли выделывать почти невероятные штуки ногами и ружьями (одна из знаменитых штук того времени была, например, разломать приклад, беря на караул); кто на параде мог показать такой же правильный и неподвижный ряд солдат, как будто то были не живые, а игрушечные солдатики» [31. С. 13]. В то время даже солдаты занимались наиболее бесполезными занятиями.

Во время правления Николая I, как верно отмечал идеолог анархизма, свирепствовал цензурный гнет, в результате чего общественность была лишена возможности высказывать свои соображения в печати. В результате политические писатели были вынуждены пользоваться эзоповым языком [31. С. 124]. Правление Николая I, как и всю предыдущую историю России, П.А. Кропоткин рассматривал с позиции всеобщей периодизации. Ученый-анархист считал, что эпоха государств вступила в завершающую фазу, поэтому уже начал оценивать XIX в. с точки зрения возможности появления анархического коммунизма. Однако время реакции при правлении Николая I не благоприятствовало для распространения свободолобивых идей. Именно поэтому П.А. Кропоткин оценивал правление Николая I как негативное.

Главным деянием Александра II М.А. Бакунин вполне оправданно считал проведение крестьянской реформы 1861 г. Размышляя о том, что же подвигло императора произвести столь крупное преобразование в стране, идеолог анархизма совершенно справедливо выделяет фактор Крымской войны 1853–1856 гг. «Единственной причиной освобождения крестьян, – го-

ворил он на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г., – была крымская катастрофа. Эта война... нанесла тяжелый удар самому существованию империи. Здание, воздвигнутое Петром Великим, Екатериною II и Николаем I, вдруг пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и действительную негодность. После Крымской войны для всех стало очевидно, что старый порядок вещей не может более продолжаться» [26. С. 109].

М.А. Бакунин считал, что после обещания Александра II освободить крестьян от крепостной зависимости народ не позволит императору отказаться от своих слов. «Ведь он более двухсот лет, – писал М.А. Бакунин в «Науке и революционном деле», – проведенных в неизъяснимых муках, ждет от царского слова спасения; и теперь, когда все надежды, все ожидания оживились предварительным обещанием царя, согласится ли он ждать еще долее? – Не думаю» [25. С. 179–180]. Общество, по справедливому мнению М.А. Бакунина, возлагало большие надежды на Александра II. «19 февраля 1861 года, – писал идеолог анархизма в «Народном деле», – несмотря на все промахи, недостатки, уродливые противоречия и не менее безобразные тесноты указа об освобождении крестьян, Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России» [26. С. 77]. Однако сама реформа отрезвила М.А. Бакунина. Он считал ее обманом, в результате которого народ не получил долгожданную землю, а следовательно, и настоящую свободу. М.А. Бакунин писал, что Александр II «много постарался и поработал для того, чтобы разоблачить и представить во всей ее отвратительной наготе саму идею государства... а главное для того, чтоб убить в народе эту несчастную веру в царя» [25. С. 180].

«Государство, – писал М.А. Бакунин в «Письме А.И. Герцену и Н.П. Огареву от 19 июля 1866», – кроме зла ничего народу не делало, и сделать не сможет. – Да как же, возразите вы, разве государь не освободил крестьян? – В том-то и дело, что не освободил. Мне ли вам говорить и доказывать, что освобождение было мнимое. Это было, ввиду грозивших смут и опасностей, не что иное, как перемена метода и системы в деле народного притеснения; помещичьи крестьяне превращены в государственных... Воли у крестьян так же мало, как и прежде, ни один пошевелиться без паспорта не может, а паспорт выдает отвечающая за них перед лицом правительства община... Нет и признания крестьянского права на землю. Есть земля крестьянская, так зачем же выкуп – и какой еще выкуп!» [28. С. 286–287]. В результате крестьянство, по мнению М.А. Бакунина, остается связанным рамками общины, а выделенной ему земли оказывается явно недостаточно для того, чтобы удовлетворить нужды постоянно растущего населения. Крестьянин остается в полной зависимости от сельской общины, которая, в свою очередь, полностью контролировалась властями; личные наделы передаются в собственность крестьянским обществам, которые периодически «уравнительно» их перераспределяют. «Но, – писал М.А. Бакунин в «Науке и насущном революционном деле», – скажут: что если царь изменит систему

правления и, начав царствовать в народном духе, примет меры и указы для удовлетворения всех народных потребностей, разве народ будет его ненавидеть? Нет, не будет: можно даже сказать наверное, что народ простил бы ему все прошедшее и, приписав ему по-прежнему все совершенные им злодеяния изменникам, продавшимися дворянству, стал бы любить царя пуше прежнего» [25. С. 181].

Так «что же мешает Александру Николаевичу переменить систему управления, – писал М.А. Бакунин, – и можно ли быть уверенным, что он не переменит ее? А если не переменит он, то переменит наследник. В том-то и дело, что ни наследник, ни он тут ничего переменить не могут. Они не могут отступить от существующей системы ни на один шаг, не разрушив самого государства. Они могут, правда, наобещать и в известной мере даже осуществить еще много реформ, могут, в крайнем случае, даже дать дворяно – купеческую конституцию, парламент на наполеоновский или даже бисмарковский манер... Но ничего они не могут сделать для народа» [25. С. 181]. В целом, М.А. Бакунин отрицательно оценивал крестьянскую реформу и вполне справедливо считал, что она проводилась в интересах правящего класса, а не народа.

Следующее историческое событие, на которое обратил пристальное внимание П.А. Кропоткин, – крестьянская реформа 1861 г. Он считал, что уничтожение крепостного права в России было подготовлено декабристами в 1825 г., петрашевцами в 1848 г. и крестьянскими выступлениями в 1850-х гг. [33. С. 111]. Непосредственной предпосылкой отмены крепостного права был длинный ряд крестьянских выступлений [32. С. 358]. П.А. Кропоткин отмечал и то обстоятельство, что на некоторое количество помещиков оказало влияние распространение либеральных идей революций 1793 и 1848 гг. В результате среди помещиков распространилась идея о необходимости отмены крепостного права [32. С. 358]. В качестве предпосылки Кропоткин отмечает и факт умственного пробуждения России в 1857–1861 гг. [32. С. 358]. П.А. Кропоткин правильно говорил, что с 1850 г. волнения среди крестьян увеличились, а с началом Крымской войны произошли всплески народного недовольства. Причем, произошло не только количественное увеличение крестьянских волнений, но и изменился сам характер – волнения стали приобретать все более жестокий характер, и для их подавления приходилось посылать большее количество регулярных войск. «Бунты приняли такой грозный характер, – писал П.А. Кропоткин о 50-х гг. XIX столетия, – что для усмирения приходилось посылать целые полки с пушками, тогда как прежде небольшие отряды солдат нагоняли ужас на крестьян и прекращали возмущения» [31. С. 127].

Таким образом, по мнению идеолога анархизма, волнения среди крестьян и влияние либерального настроения придворных кругов привели к потребности проведения крестьянской реформы. «Эти вспышки, с одной стороны, – писал П.А. Кропоткин, – и глубокое отвращение к крепостному праву в том поколении, которое выдвинулось при вступлении на престол Александра II, – с другой, сделали освобождение крестьян насущным вопросом» [31. С. 127].

Кропоткин считал, что первый шаг подготовке крестьянской реформы сделал Александр II, доказывая ее необходимость в речи, произнесенной в марте 1856 г. [31. С. 127]. Литовское дворянство отправило императору послание, в котором говорилось о необходимости уничтожения крепостного права, в ответ на которое Александр II выразил намерение освободить крестьян [31. С. 127]. В губерниях и Санкт-Петербурге стали работать специально избранные комитеты для выработки проекта освобождения крестьян. Но для широкого обсуждения проектов дело не дошло. Александр II поручил цензуре не пропускать материал о готовящейся реформе [31. С. 128]. П.А. Кропоткин вполне обоснованно считал, что на слабовольного императора оказала сильное влияние партия крепостников. «Крепостники нашептывали, – писал П.А. Кропоткин, – что в день освобождения крестьян начнется всеобщее избиение помещиков и что Россию тогда ждет новая пугачевщина, еще страшнее 1773 года. Александр II был человек слабохарактерный и прислушивался к подобным зловещим предсказаниям» [31. С. 128].

П.А. Кропоткин полагал, что проектов реформы было несколько десятков. Проекты обсуждались Чернышевским в «Современнике», а также в нелегально доставляемых из Лондона «Колоколе» и «Полярной Звезде» Герцена. Высказывали свое мнение славянофилы Аксаков и Беляев. Общественное мнение Петербурга было на стороне Чернышевского. Последний настаивал на освобождении крестьян с землей. Партия крепостников добилась отсрочки реформы, уменьшения надела и высоких выкупных платежей за землю, а также пыталась отстранить либерально настроенного Николая Милютина, который был центральным звеном в деле реформ. В результате были распущены либерально настроенные комитеты первого созыва, а комитеты нового созыва были консервативны. До отстранения Николая Милютина была разрешена критика консервативных проектов реформы. После же цензура опять запретила критику. Осенью 1860 г. освобождение крестьян было отложено. [31. С. 129].

П.А. Кропоткин верно отмечал, что после снятия Милютина пошла волна реакции, в результате которой появилось опасение, что реформа будет отменена. Но этого не произошло. В результате реформа состоялась, но в консервативном варианте, т.е. крестьяне оставались крепостными еще два года и они должны выкупать наделы. «Крестьяне оставались крепостными еще два года, – писал П.А. Кропоткин, – до 19 февраля 1863 года; тем не менее ясно было одно: крепостное право уничтожено и крестьяне получают надел. Им придется выкупать его, но пятно рабства смыто» [31. С. 131]. Революционер совершенно справедливо писал, что Манифест об освобождении крестьян был подписан 19 февраля 1861 г., но опубликован 5 марта из-за опасения крестьянских волнений [31. С. 130]. Дело в том, что 26 февраля проходила масленица, которая всегда сопровождалась употреблением спиртных напитков. Либерально настроенное население столицы радовалось опубликованию Манифеста [31. С. 131]. В целом, П.А. Кропоткин положительно оценивал факт освобождения крестьян. «Громадный шаг, – писал он, – сделанный в начале шестидесятых годов уничтожени-

ем личного рабства крестьян и физического истязания «непривилегированных» на лобном месте, – этот шаг, которого все значение могут оценить только люди нашего поколения, забывается понемногу» [31. С. 4].

Таким образом, П.А. Кропоткин, так же как и М.А. Бакунин, анализировал дискуссионные вопросы русской истории с анархической позиции. Следует отметить, что политические и философские взгляды М.А. Бакунина оказали влияние на его интерпретацию основных событий истории России. Идеолог анархизма особое внимание уделял народным восстаниям. Главной причиной крестьянских выступлений он считал ненависть народа против государственной системы в целом. По мнению М.А. Бакунина, государство появляется в истории России лишь в XV–XVI вв. До этого периода народ жил свободно, без крепостного права и государственного давления. Петр I, по его мнению, усилил государственную власть, добавив «западную бюрократию». Народ неоднократно пытался сбросить ненавистную власть государства, но попытки Степана Разина и Емельяна Пугачева не увенчались успехом. Лишь в XIX в. декабристы разбудили общественную мысль. М.А. Бакунин считал, что только с объединением усилий радикальной молодежи и народного революционного духа сможет произойти окончательное освобождение от власти государства.

Проследивается общность мнений идеологов русского антиэтатизма по многим ключевым вопросам истории России. В частности, период образования централизованного государства они считали периодом образования «государственной власти». До XV–XVI вв., по их мнению, на Руси существовал период «вольных городов». Лишь Иван III и Иван Грозный завоевали вольные города и разрушили основы свободной жизни.

В дальнейшем в российской истории, по мнению идеологов анархизма, происходило укрепление позиции государства за счет уменьшения свободы народных масс. Введение крепостного права являлось значительным шагом по пути усиления позиции государства и привилегированного класса. Реформы Петра I оцениваются революционерами однозначно отрицательно. По их мнению, Петр I только усилил государственную машину, созданную исключительно для подавления последних проявлений свободы. Особое значение П.А. Кропоткин и М.А. Бакунин уделяли крестьянской реформе 1861 г. Возлагая большие надежды на царя-освободителя, они в дальнейшем разочаровались в итогах реформы, которая только формально освободила крестьян, а экономические «кандалы» по-прежнему остались на руках труженика-народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Слаттер Дж.* Письма П.А. Кропоткина профессору Джеймсу Мейвору. 1903–1917 гг. // Исторический архив. 1995. № 1. С. 143.
2. *Кропоткин П.А.* Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. 345 с.
3. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В.П. Батурицкого; под ред. П.А. Кропоткина. Пг.; М.: Голос труда, 1922. 342 с.
4. *Кропоткин П.А.* Записки революционера : пер. с англ. / предисл. Г. Брандеса. Лондон : Фонд вольн. рус. прессы, 1902. 477 с. (Ист. б-ка; Вып. 1).
5. *Kropotkin P.A.* The Russian Revolutionary Party // Kropotkin P.A. Selected Writings on Anarchism and Revolutions. Boston, 1970. P. 143–175.
6. *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция, 1789–1793 / примеч. А.В. Гордона, Е.В. Старостина; ст. В.М. Далина, Е.В. Старостина М.: Наука, 1979. 575 с. (Памятники ист. мысли).
7. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля / предисл. Э. Реклю. Лондон; СПб.: Свобод. мысль, 1902. 256 с.
8. *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия : пер. с фр. Пг.: Голос труда, 1920. 316 с.
9. *Кропоткин П.А.* Этика. Т. 1 : Происхождение и развитие нравственности / послесл. Н. Лебедева. Пг.; М.: Голос труда, 1922. 263 с.
10. *Ермашева М.* Лондонские письма С.М. Степняка-Кравчинского // Вопросы литературы. 1967. № 4. С. 152–174.
11. *Баранченко В.Е.* Кончина и похороны П.А. Кропоткина // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 149–154.
12. *Cai Yingtian.* Some cognitive problems upon the relation between science and production // Чжэсюе яньцзю = Philos. research. Пекин, 1992. № 1.
13. *Sakon Takeshi.* On P.A. Kropotkin's archives // Дзимбун кэнкю: Studies in the humanities. Осака, 1992. Т. 44, № 2. P. 1–16.
14. *Блауберг И.И.* «Выбор – в твоих руках...» // Вопросы философии. М., 1991. № 11. С. 64–71.
15. *La Torre M.* Una fondazione naturalistica dell'anarchismo: Petr Kropotkin // Riv. intern. di filosofia del diritto. Milano, 1993. 4 serie A 70, № 2. P. 179–202.
16. *Hamilton W.Z.* The genetical evolution of social behaviour // J. Theor. Biol. 1964. № 1. P. 1–52.
17. *Данилов В.Н.* А.А. Кропоткин – русский ученый и общественный деятель // Философские науки. 1976. № 4. С. 154–156.
18. *Slatter S.* The correspondence of P.A. Kropotkin as historical source material // Slavonic a. East Europ. rev. L., 1994. Vol. 72, № 2. P. 277–288.
19. *Затеев В.И.* М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин как основоположники и теоретики русского анархизма // Вестник Бурятского университета. Сер. 5. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2003. Вып. 7. С. 153–169.
20. *Пирумова Н.М.* Гуманизм и революционность Петра Кропоткина // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 38–43.
21. *Мкртчян А.А.* Кропоткин о революционном терроре // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1992. № 1. С. 30–35.
22. *Kinna R.* Kropotkin's theory of mutual aid in historical context // Intern. rev. of social history. Assen, 1995. Vol. 40, pt. 2. P. 259–283.
23. *Старостин Е.В.* П.А. Кропоткин – историк России // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации : материалы Междунар. науч. конф. / сост. П.И. Талеров. СПб., 2005. С. 10–18.
24. *Маркин В.А.* Международная конференция памяти П.А. Кропоткина // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 154–155.
25. *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. 430 с.
26. *Бакунин М.А.* Избр. соч. Пг.; М., 1920. Т. 3. 286 с.
27. *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем, 1828–1876 / ред. и примеч. Ю.М. Стеклова. М., 1935. Т. 4. 621 с.
28. *Бакунин М.А.* Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб., 1906. 456 с.
29. *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем 1828–1876. Т. 3. М., 1935. 495 с.
30. *Бакунин М.А.* Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. 573 с.
31. *Кропоткин П.А.* Записки революционера / предисл. и примеч. В.А. Твардовской. М.: Мысль, 1990. 528 с.
32. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля: Современная наука и анархия / вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. С.А. Мндоянца. М.: Правда, 1990. 638 с.
33. *Кропоткин П.А.* Этика: Избранные труды / сост. и вступ. ст. Ю. Гридчина М.: Политиздат, 1991. 446 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 августа 2011 г.